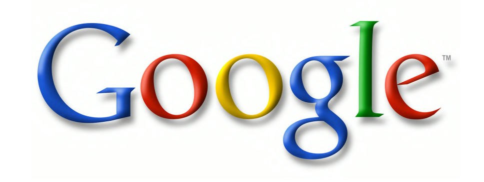

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Sheffer, P. N.
"

П. Н. Шефферъ.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ О ПУШКИНѢ.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

Отдѣльный оттискъ изъ сборника: „Памяти Л. Н. Майкова".

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1902.

.'' K

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Іюня 1902 г.

Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ.

Русланъ и Людмила.

Въ текстѣ «Руслана и Людмилы» Пушкинъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ характеризуетъ свою поэму. Если мы перечитаемъ ее въ первомъ изданіи съ цѣлью отмѣтить эти мѣста, наше вниманіе остановится на слѣдующихъ стихахъ:

Примите жъ вы *мой трудъ игривый*[1])!
Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На *пѣсни грѣшныя мои*.

[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ II, стр. 202, Предисловіе].

Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что *въ повѣсти моей забавной*
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу,
И лиру Музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

[Тамъ же, стр. 242].

---

1) Мы дѣлаемъ ссылки на «Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціей П. О. Морозова. С.-Пб. 1887», но всѣ цитаты провѣрены по 1-му [1820 года] изданію «Руслана и Людмилы», исключая Прологъ, котораго не было въ 1-мъ изданіи и который провѣренъ по второму изданію поэмы.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лиръ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать...
. . . .
. . . .
. . . .
Но ты велишь, но ты любила
Разсказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимірь, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая *мой легкій вздоръ,*
Съ улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ и снова
Бренчу про витязя младова.

[Тамъ же, стр. 264—265].

Итакъ Пушкину первоначально казалось, что преобладающій тонъ въ поэмѣ — игривый, и сознательно Пушкинъ въ то время, когда писалъ поэму, иронизировалъ надъ сказочнымъ элементомъ, который легъ въ ея основу. А въ 1828 году, выпуская въ свѣтъ второе изданіе поэмы, Пушкинъ предпосылаетъ ей Прологъ: «У лукоморья дубъ зеленый»[1]) — своего рода прологъ ко всякой будущей художественной обработкѣ русскаго сказочнаго матеріала.

1) П. О. Морозовъ въ примѣчаніи къ этому Прологу [Сочиненія А. С. Пушкина, т. II, стр. 208] указываетъ, что тема Пролога взята Пушкинымъ изъ разсказанной ему Ариной Родіоновной и записанной имъ сказки, которая легла въ основу «Сказки о царѣ Салтанѣ». Дѣйствительно, первые шесть стиховъ Пролога находятся въ несомнѣнной связи съ слѣдующими словами сказки: «У моря, у моря, у лукоморья, стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ». Но остальные стихи Пролога, какъ

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что *такого* Пролога Пушкинъ не предпослалъ бы поэмѣ, если бы она по прежнему характеризовалась въ его сознаніи тѣми же чертами, какими характеризовалъ онъ ее въ приведенныхъ выше стихахъ. Очевидно, теперь, когда Пушкинъ создалъ уже нѣсколько произведеній, написанныхъ сознательно въ томъ настроеніи, какое ему непосредственно давала народная поэзія, для него въ «Русланѣ и Людмилѣ» получили значеніе именно тѣ мѣста, въ которыхъ сказочный міръ нарисованъ съ такимъ серьезнымъ отношеніемъ къ нему, и которыя, дѣйствительно, даютъ преобладающій тонъ поэмѣ[1]).

намъ кажется, имѣютъ прототипомъ слѣдующія слова Вступленія къ «Бахаріянѣ» Хераскова:

Вдругъ явилась мнѣ волшебница,
Покровенна съ головы до ногъ:
Весь ея покровъ исписанъ былъ
Разными, какъ атласъ, красками;
Замки есть на немъ воздушные;
Видимы кони крылатые,
Люди въ камень обращенные;
Во деревья заключенные;
Видны старыя волшебницы,
Превращенныя сороками;
Тамо латы очарованны
Къ тѣлу ранъ не допускающи;
Видны кольцы невидимки тамъ;
Тамъ колдовки престарѣлыя
Представляются въ пятнадцать лѣтъ
И находятъ воздыхателей.

[Бахаріяна, или Неизвѣстный. Волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ. М. 1803, стр. 8—9].

Отмѣтимъ здѣсь кстати, что указаніе на возможность сопоставлять «Руслана и Людмилу» съ «Бахаріяной» первый, сколько мы знаемъ, сдѣлалъ Н. В. Сушковъ [Раутъ. Книга III. Историческій и литературный сборникъ. Изданіе Н. В. Сушкова, М. 1854. Обозъ къ потомству съ книгами и рукописями (Изъ записокъ Н. В. Сушкова), стр. 331]: «Какъ-то (по выходѣ своемъ изъ Лицея), Пушкинъ замѣтилъ у меня на полкѣ толстую книгу — развернулъ — «Бахаріана» Хераскова. — Возьми себѣ этотъ сборъ сказокъ: пригодится для Руслана и Людмилы. — Кажется, мой подарокъ отчасти ему и пригодился». [Далѣе Сушковъ продолжаетъ: «Пригодился и «Ричардетъ» — поэма въ родѣ Роландовъ, изъ которой онъ включилъ кой-что въ свою сказку. Только его переводы отрывковъ, иногда и цѣлыхъ строфъ изъ Ричардета, несравненно выше подлинника». Но слѣдовъ вліянія «Ричардета» (мы имѣли въ рукахъ «Richardet, poème» въ изданіи, вышедшемъ въ 1776 году въ Liége) на «Русланѣ и Людмилѣ» мы не замѣтили].

1) Срвн. *Н. И. Черняевъ*. Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Харьковъ. 1900, стр. 620.

Въ «Русланѣ и Людмилѣ» наблюдается, такимъ образомъ, двойственность настроенія, двойственность отношенія поэта — засвидѣтельствованная самимъ поэтомъ — къ сказочному матеріалу, который лежитъ въ основѣ поэмы. Объясненіе этой двойственности, конечно, въ той непосредственности, съ которой воспринимались Пушкинымъ въ юношескіе годы разнородныя литературныя впечатлѣнія, и въ томъ, что въ эту пору лишь намѣчалось то направленіе, въ которомъ впослѣдствіи развивалось міросозерцаніе поэта.

Критика и исторія литературы много уже сдѣлали для выясненія вопроса о томъ, подъ какими вліяніями написана поэма «Русланъ и Людмила», но Пушкинъ уже въ юношескіе годы обладалъ такимъ громаднымъ запасомъ литературныхъ впечатлѣній, и введенный имъ въ поэму матеріалъ представляетъ такую пеструю амальгаму, что наблюденія надъ составомъ этого матеріала никакъ нельзя еще считать законченными.

Наиболѣе обстоятельно и детально указана зависимость поэмы отъ матеріала, который до извѣстной степени опредѣлилъ форму поэмы и ея легкій, игривый, мѣстами нескромный, тонъ [1]), хотя данныя, добытыя наблюденіями, сдѣланными въ этомъ направленіи, могутъ быть, какъ кажется намъ, нѣсколько дополнены, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны быть исправлены [2]).

1) См. *Л. Поливановъ.* Русланъ и Людмила [статья, предпосланная поэмѣ, въ изданіи: «Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы. М. 1893», томъ II, стр. 1—21]. — *П. В. Владиміровъ.* Происхожденіе «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина [*Университетскія Извѣстія* (*Кіевскія*) 1895 г., № 6, и отдѣльные оттиски], и *его же* — «Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ» [Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго Университета св. Владиміра. Кіевъ. 1899]. — *А. И. Кирпичниковъ.* Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ [*Русская Старина* 1899 г., № 2, стр. 439—440]. — *Н. И. Черняевъ.* Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Харьковъ. 1900, статья о «Русланѣ и Людмилѣ».

2) Нѣсколько дополненій мы позволимъ себѣ привести здѣсь.

Проф. А. И. Кирпичниковъ [см. «Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ»] и затѣмъ Н. И. Черняевъ [см. «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», стр. 610—612] указали въ «Русланѣ и Людмилѣ» нѣсколько мѣстъ, навѣянныхъ «Орлеанской Дѣвственницей» Вольтера, но не отмѣтили, что несомнѣнныя реминисценціи изъ «La Pucelle» есть въ характеристикѣ Людмилы:

Ахъ, какъ мила моя княжна! Мнѣ нравъ ея всего дороже:	Jeanne montra sous féminin visage, Sous le corset et sous le cotillon,

Менѣе выясненъ вопросъ, почему Пушкинъ не выдержалъ въ

Она чувствительна, скромна...
. . . .
. . . .
Скажите: можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала въ даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждаютъ жаръ,
А та — *подъ юпкою гусаръ*,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ:
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.

[Сочиненія А. С. Пушкина, т. II, стр. 251].

D'un vrai Roland le vigoureux courage.
J'aimerais mieux, *le soir*, *pour mon usage*,
Une beauté douce comme un mouton;
Mais Jeanne d'Arc eut un coeur de lion.

[Voltaire. La Pucelle d'Orléans, ch. I, v.v. 9—15].

Ciel! Que je hais ces créatures fières,
Soldats en jupe, hommasses chevalières,
Du sexe mâle affectant la valeur,
Sans posséder les agréments du nôtre,
A tous les deux prétendant faire honneur,
Et qui ne sont ni de l'un, ni de l'autre!

[Ibidem, ch. III, v.v. 269—274].

Любопытно, что два приведенныхъ мѣста изъ разныхъ частей «La Pucelle» слиты Пушкинымъ и въ „Началѣ I-й пѣсни «Дѣвственницы»“:

Она была подъ юбкою герой.
Я признаюсь, вечернею порой
Милѣе мнѣ смиренная дѣвица,
Послушная, какъ агнецъ полевой;
Іоанна же была душою львица.

[Сочиненія А. С. Пушкина, т. I, стр. 371].

Въ числѣ произведеній, вліяніе которыхъ сказывается на «Русланѣ и Людмилѣ», не разъ называлcя «Оберонъ» Виланда. Н. И. Черняевъ [Критическія статьи, стр. 612] попытался въ подробностяхъ сопоставить эти двѣ поэмы и пришелъ къ слѣдующему выводу: „Оказалъ ли на «Руслана и Людмилу» вліяніе «Оберонъ» Виланда, весьма популярный въ свое время и написанный въ подражаніе Аріосто? Вѣрность Руслана Людмилѣ и преслѣдованіе разъ намѣченной цѣли напоминаетъ вѣрность Гіона вавилонской принцессѣ Амандѣ. Вотъ все, что можно сказать по этому поводу. Можно было бы сдѣлать и еще кое-какія сближенія, но мы не будемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ черты дальнѣйшаго сходства могутъ быть объяснены стилемъ «Оберона» съ одной стороны, «Руслана и Людмилы» съ другой. Общими чертами этого стиля легко объясняется параллельность нѣкоторыхъ мѣстъ обѣихъ поэмъ, доброжелательное вмѣшательство въ дѣла ихъ героевъ и героинь Оберона и Финна и т. д.“.

Мы лично не рѣшаемся говорить о вліяніи «Оберона» на «Руслана и Людмилу» въ виду того, что поэму Пушкина приходится сопоставлять *съ цѣлымъ рядомъ* шутливыхъ обработокъ сказочнаго и легендарнаго матеріала, но намъ кажется, что «Оберона» нельзя обойти, если задаваться вопросомъ, откуда Пушкинъ почерпалъ мате-

«Русланѣ и Людмилѣ» такого тона, и на этомъ вопросѣ мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться.

ріалъ для «Руслана и Людмилы». Намъ представляется вѣроятной связь между тѣмъ эпизодомъ поэмы Пушкина, въ которомъ разсказывается о похищеніи Людмилы съ брачнаго ложа, и двумя слѣдующими мѣстами «Оберона» [цитируемъ по русскому переводу: «Оберонъ, царь волшебниковъ, поэма Господина Виланда. Въ 14 пѣсняхъ. Съ нѣмецкихъ стиховъ прозой перевелъ Сочинитель Русскихъ Сказокъ. М. 1787]:

Князь горы Ливанской разсказываетъ Гіону: «Не подалеку отсюда»....«обитаетъ въ крѣпкомъ замкѣ исполинъ Ангулаферъ, злѣйшій врагъ Христіянскаго имени, настоящій мучитель прекраснаго пола, и что всего хуже, безопасный отъ ударовъ меча и копья силою кольца, кое похитилъ онъ у малорослаго волшебника, въ замкѣ, или звѣринцѣ котораго, вы безъ сомнѣнія были. Чтожъ надлежитъ до меня, я Князь горы Ливанской. Я заслуживалъ благосклонность у красоты всѣхъ красотъ цѣлые три года безъ всякой награды любви моей, и напослѣдокъ согласилась она увѣнчать мою постоянную вѣрность. Однако въ ночь моего брака, когда я уже, какъ супругъ, готовился развязать ея поясъ, пришелъ сей хищный волкъ, вырвалъ изъ объятій моихъ сію невинную агницу и унесъ. Уже протекли шесть мѣсяцевъ, въ которые я употребилъ все возможное къ ея избавленію» (стр. 46—47).

Нѣсколько ниже Ангела разсказываетъ Гіону объ этомъ же: «Насъ обвѣнчали, и.... Мы остались уже одни въ нашей опочивальнѣ. Но вдругъ дверь съ великимъ стукомъ была выбита съ крючьевъ, исполинъ вскочилъ, схватилъ меня, и унесши, содержитъ седьмой мѣсяцъ заточенную въ сей башнѣ. Можно ли было мнѣ согласиться на его любовныя предложенія, вы сами увидите, взглянувъ на него» (стр. 58).

Проф. П. В. Владимировъ въ своей цѣнной статьѣ [«А. С. Пушкинъ и его предшественники», стр. 10—11] указалъ въ «Бахаріянѣ» нѣкоторыя черты, имѣющія отраженія въ «Русланѣ и Людмилѣ», но имъ не отмѣчено, что есть, повидимому, связь между Прологомъ къ «Руслану и Людмилѣ» и Вступленіемъ къ «Бахаріянѣ» Хераскова [см. выше, стр. 3], и что могутъ быть сопоставлены еще нѣсколько мѣстъ обѣихъ поэмъ. Приведемъ наиболѣе характерныя совпаденія:

Дивится плѣнная Княжна;
Но втайнѣ думаетъ она:
«Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —
Не стану ѣсть, не буду слушать,

И Фелана размышляетъ,
Тихо говоря съ собой...
. . . .
. . . .
«Ахъ! но живъ ли мой любезный?»
. . . .
. . . .
«Нѣтъ его! — на что уборы,
Мнѣ на что, на что краса?
Я сама на что на свѣтѣ?
Безъ него мнѣ жизнь на что?
Будто перлы покатились
Слезы изъ ея очей,
Грудь лилейну оросили
И смягчили въ сердцѣ грусть;
Нѣчто въ тайнѣ ей сказало:
Успокойся! — другъ твой живъ! —
Живъ! тебя онъ страстно любитъ,
Будетъ нѣкогда твоимъ.

Еще первымъ критикамъ[1]) «Руслана и Людмилы» поэма напомнила,

Умру среди твоихъ садовъ!» —
Подумала — и стала кушать.
[Сочиненія А. С. Пушкина, т. II, стр. 227].

Успокоилась Фелана,
Слезъ потоки отеревъ;
Пожелала сладкой пищи,
Столбъ растворится и дастъ.
[Бахаріяна, стр. 39—40].

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужь много.
. . . .
. . . .
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый — о друзья!
Не вѣрьте имъ: они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы,
И почивайте въ тишинѣ.
[Тамъ же, стр. 242].

Также милыя волшебницы
Наши гордыя красавицы,
Взоромъ, рѣчью, гордой поступью
Заставляютъ изъ насмѣшки насъ,
Плакать, мучиться, съ ума сходить,
Стервениться, грысться, рѣзаться,
Самыхъ мудрецовъ дурачиться;
Вотъ развязка волхвованія,
Въ мірѣ все хаосъ и колдовство.
[Тамъ же, стр. 19].

Разостланъ роскошью коверъ;
На немъ усталый Ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ Хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпой!
Надъ рыцаремъ иная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Усталы члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.
[Тамъ же, стр. 245].

Лукавы Нимфы дорожили
Его цвѣтущей красотой,
Уставшаго отъ пляски той,
Подъ дикимъ пальмомъ положили;
И прочь геройскій духъ летитъ;
Уходитъ миловидный стыдъ:
Иная бѣлыми руками
Вѣнецъ ему изъ розъ плететъ,
Иная вины подаетъ,
Убравъ сосудъ кругомъ цвѣтами;
Въ объятіяхъ онъ держитъ ихъ,
Лежитъ въ объятіяхъ у нихъ,
Отъ нихъ лобзанья получаетъ
И самъ лобзанья возвращаетъ;
Какъ ледъ весною таетъ онъ,
И сталъ не витязь — Целадонъ;
Изчезъ герой; — какая жалость!
[Тамъ же, стр. 120—121].

1) См. *Вѣстникъ Европы* 1820 г., № 11 и *Невскій Зритель* 1820 г., № 7.

между прочимъ, сказку о Еруслане Лазаревичѣ. Л. Поливановъ [1]) опредѣленно уже указалъ, что «цѣлый эпизодъ съ Головой есть распространенная передѣлка подобной же сцены въ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ», и привелъ въ своей замѣткѣ то мѣсто сказки, которое было переработано Пушкинымъ. И дѣйствительно, сопоставлять «Руслана и Людмилу» и «Еруслана Лазаревича» несомнѣнно есть основанія, но къ указанію Поливанова должна быть сдѣлана поправка: Пушкинъ зналъ сказку о Ерусланѣ не въ той редакціи, на которую указываетъ Поливановъ. Поливановъ ссылается на текстъ, напечатанный по рукописи Ундольскаго XVII вѣка въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности» Тихонравова [2]); Пушкину же, по всей вѣроятности, сказка была извѣстна въ редакціи печатныхъ изданій конца XVIII — начала XIX в. [3]) или близкой къ ней. Въ томъ мѣстѣ поэмы, гдѣ разсказывается о встрѣчѣ Руслана съ Головой, мы, между прочимъ, читаемъ:

И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
. . . .
. . . .
. . . .
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
. . . .
. . . .
И вдругъ она, что было мочи,

1) Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики, М. 1893, т. II, стр. 11.

2) Кн. IV, стр. 100—128.

3) О различныхъ изданіяхъ сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ см. Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки, кн. I, стр. 40—76 и кн. IV, стр. 135—142.

На встрѣчу Князю *стала дуть;*
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ —
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «Ай, витязь! Ай, герой!
Куда ты? тише! тише! стой!
О витязь! шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня».
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.

[Сочиненія А. С. Пушкина, т. II, стр. 237—238].

Въ той редакціи сказки, которую имѣетъ въ виду Поливановъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя могли бы быть сопоставлены съ приведенными стихами; въ печатныхъ же изданіяхъ сказки мы находимъ слѣдующія строки [цитируемъ по изданію: «Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ. С.-Пб. 1815»]:

«И такъ Еруслан Еруслановичь принявъ отъ отца своего и матери благословеніе, поѣхалъ въ путь свой и объѣздя всѣхъ, черезъ пять лѣтъ возвращается ко отцу своему, и встрѣтивши его на дорогѣ малъ человѣкъ, пути недаетъ. Онъ же вопросивъ его, что ты малъ человѣкъ на дорогѣ стоишъ, пути мнѣ недаешъ, и хощетъ его раздавить; а малъ старъ человѣкъ, узнавъ во умѣ своемъ что раздавить его хощетъ, сказалъ ему: бѣдной богатырь, ты меня хочешъ убить старова человѣка: малаго нѣкого убить, и съ меня старова нѣчего

снять. Еруслану то слово не полюбилось, и взялъ мечь кладенецъ и хощетъ старова до смерти убить, и кинулся къ нему скоро, а старой приклонился и *дунулъ единымъ духомъ на Еруслана такъ, что онъ неусидѣлъ на своемъ конѣ и палъ на сыру землю,* что овсяной снопъ; и старой подхватилъ его на руку сказалъ: бѣдной богатырь, смерти ли хощешъ, или живота. Еруслана весьма испужался и отъ страха старому не смѣетъ ничего молвить. Старой же положилъ ево на сыру землю, а самъ возговорилъ таково слово: не можетъ мнѣ никто противиться, ни Царь, ни богатырь и никакой человѣкъ» (стр. 78—79). Да и тотъ эпизодъ сказки, на который указываетъ Поливановъ, гораздо ближе къ соотвѣтствующему мѣсту «Руслана и Людмилы» въ старыхъ печатныхъ изданіяхъ «Еруслана Лазаревича» [равно какъ и въ текстѣ, изданномъ во II выпускѣ Памятниковъ старинной русской литературы], чѣмъ въ текстѣ, напечатанномъ въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова [1]).

[1]) ....«Еруслань же ѣхалъ полгода, и недоѣхавъ до Щетина града поприщъ за пять, наѣхалъ на рать силу битую, и въ той рати лежала *богатырская голова, какъ великой бугоръ.* Еруслань объѣхалъ рать силу побитую кругомъ, крикнулъ громкимъ голосомъ: есть ли въ сей ратѣ живъ человѣкъ? И провѣщаетъ ему богатырская голова: Еруслань Лазаревичь, ково ты спрашиваешъ и кто тебѣ надобенъ? Еруслань удивился! Возговорила же къ нему паки богатырская голова: не чудися, и скажи, далечель ты ѣдешъ, и куда твой путь лежитъ, и какая тебѣ нужда здѣсь? И говоритъ ему Еруслань: а ты кто таковъ, и какъ тебя по имени зовутъ, и изъ какова Царства житель, и котораго отца и матери сынъ? Отвѣчаетъ ему богатырская голова: я богатырь былъ изъ Задонскаго Царства, отца есмь сынъ Царя Прохоза, а меня зовутъ Расланѣемъ. И говоритъ ему Еруслань Лазаревичь: чья эта рать сила лежитъ побитая? И отвѣчаетъ ему Расланѣй богатырь: сія рать побита мною, а она вольнаго Царя, огненнаго щита, пламеннаго копія, приходилъ я подъ его Царство еще году нѣтъ, а брань у меня съ Царемъ была за то, что онъ завладѣлъ городомъ отца моего Царя Прохоза: а ты, Еруслань Лазаревичь, далечель ѣдешъ? И говоритъ Еруслань Лазаревичь: я ѣду въ Щетинъ градъ къ вольному Царю, огненному щиту, пламенному копію; хощу его предъ собою мертва видѣть. Отвѣчала ему богатырская голова: невидать тебѣ его предъ собою мертва; развѣ хощешъ умереть. Я былъ богатырь силенъ; многія меня боялися Цари и богатыри восточные и западные, не

Вдали чернѣетъ *холмъ огромной,*
И что-то страшное храпитъ.
. . . .
. . . .
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ; смотритъ храбрый Князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ *живая голова.*
[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ II, стр. 236].

И я былъ витязь удалой!
Въ кровавыхъ битвахъ супостата

Можетъ быть, не безъ вліянія на описаніе свадьбы Руслана осталось и слѣдующее мѣсто сказки о Еруслане:

«Царь Вохромѣй повелѣлъ готовиться къ вѣнчанью немедлѣнно, и почели съ Еруслановъ пить, ѣсть и веселиться. Когда же Еруслань легъ спать, то не могъ заснуть въ всю ночь, понеже юность его и сердце весьма разгорѣлось отъ красоты прекрасной Ца-

---

токмо меня, но и взору моего; я былъ отъ рожденія матери моей величиною въ полсажени; а толщиною въ объемъ человѣку, а какъ я достигъ до десяти лѣтъ, то у меня въ чистомъ поле никакой звѣрь не прорыскивалъ, ни богатырь не проѣзживалъ, ни доброй конь не уѣзживалъ, и никакой человѣкъ мимо не прохаживалъ, ни птица не пролетывала, и противъ меня ни кто стоять не могъ; а нынѣ мнѣ минуло десять лѣтъ, и ты самъ видишь мой возрастъ и тѣло мое и голову: въ длину тѣло мое десять саженъ, промежъ плечь двѣ сажени, да между очей моихъ калена стрѣла вмѣщается, а голова моя, какъ пивной котелъ, руки у меня по три сажени, да и тутъ я не могъ съ нимъ биться и противъ его стоять; Царь силенъ и при немъ войска много; мечь его не сѣчетъ, ни сабля его не беретъ, на огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ; да у меня и такой мечь, которой можетъ его взять, но на меня грѣхъ такой пришелъ, и онъ меня скорѣе убилъ; только я тебѣ добра хочу и разуму поучу: пріѣдешь ты, Еруслань Лазаревичь, ко граду Щетину, и увидить тебя Царь огненной щитъ, пламенное копіе, и учнетъ онъ тебя недопускаючи до себя жечь и палить огнемъ, и когда пріѣдешь ты къ нему, учнетъ онъ спрашивать о пріѣздѣ, и ты ему говори, что хочешъ ему служить, и онъ тебѣ велитъ ѣхать за собою, и ты за нимъ поѣзжай во градъ и послужи ему вѣрою и правдою, и жди такой поры, какъ поѣдетъ Царь на потѣху въ чистое поле гулять, а ты съ нимъ же поѣзжай и ему о мнѣ воспомяни, и онъ будетъ кручиненъ, и ты тогда ему скажи: что ты ему тотъ мечь добудешъ, а онъ тебѣ вѣры непойметъ, и ты ему Бога порукою дай, и какъ пріѣдешъ ко мнѣ, то *я для тебя съ меча сдвинуся, и оной тебѣ отдамъ.* Тутъ Еруслань Лазаревичь поклонился богатырской головѣ и сѣлъ на своего коня, и поѣхалъ ко граду Щетину.

[Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ. С.-Пб. 1815, стр. 47—49].

Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшаго брата!
. . . .
. . . .
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть.

[Тамъ же, стр. 239].

И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечь богатырскій засверкалъ.

[Тамъ же, стр. 238—239].

ревны[1]); по утру же повелѣлъ Царь пиръ сотворить... По вѣнчаніи же пошли къ Царскимъ палатамъ... И Еруславъ Лазаревичъ съ прекрасною Анастасіею и вси Князи и бояра начали пить, ѣсть и веселитися, а послѣ того Еруславъ съ прекрасною Анастасіею встали изъ за стола и пошли въ брачной покой, и всѣ бывшіе тогда тамъ, провожали ихъ съ великою честію, и поклонясь до земли возвратились къ Царю Вохрамѣю на бесѣду»[2]).

Этими отношеніями поэмы къ одной опредѣленной сказкѣ не ограничивается связь «Руслана и Людмилы» съ русской народной поэзіей, и въ литературѣ сдѣланы указанія на то, что цѣлый рядъ отдѣльныхъ данныхъ поэмы навѣянъ русскими сказками и былинами[3]). Можетъ быть, не всѣ эти указанія убѣдительны; несомнѣнно, что нѣкоторыя черты въ поэмѣ появились подъ вліяніемъ сказокъ, съ которыми Пушкинъ познакомился уже по *печатнымъ изданіямъ*, но все же мы въ правѣ, конечно, предполагать, что въ «Русланѣ и Людмилѣ» мы, между прочимъ, встрѣчаемся съ отзвуками того настроенія, о которомъ поэтъ въ 1816 году вспоминалъ въ отрывкѣ «Сонъ»[4]):

...дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня

---

1) Срвн. въ «Русланѣ и Людмилѣ»:

Но страстью пылкой утомленный,
Не ѣстъ, не пьетъ Русланъ влюбленный,
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ,
И щипля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждыя мгновенья.

[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ II, стр. 204].

2) «Лѣкарство отъ задумчивости», стр. 67—69.

3) См. *А. И. Незеленовъ*. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 54—56. — *П. В. Владиміровъ*. А. С. Пушкинъ и его предшественники, стр. 14—17. — *А. И. Кирпичниковъ*. Очерки по исторіи новой русской литературы, стр. 136—137. — *Н. И. Черняевъ*. Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ, стр. 614—622.

4) См. А. С. Пушкинъ. Изслѣдованіе проф. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1900, стр. 107—118, и *Н. И. Черняевъ*, l. c., стр. 618—619.

И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины,
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало —
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ,
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней —
И въ вымыслахъ носился юный умъ...

[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ I, стр. 186].

Но введенный Пушкинымъ въ поэму русскій сказочный матеріалъ, который могъ иногда самъ по себѣ увлечь поэта, и безсознательно воскресавшіе въ душѣ поэта отзвуки настроенія, пережитаго въ дѣтствѣ подъ вліяніемъ сказокъ няни, не были единственнымъ противовѣсомъ вліянію того ироническаго отношенія къ сказочному и легендарному матеріалу, которое наблюдается въ поэмахъ въ родѣ «Неистоваго Роланда» и «Орлеанской дѣвственницы»; намъ кажется, что на «Русланѣ и Людмилѣ» несомнѣнно сказалось и вліяніе «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» Жуковскаго.

Зависимость «Руслана и Людмилы» отъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» была подмѣчена покойнымъ А. И. Незеленовымъ[1]). Противъ

1) См. *А. Незеленовъ*. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 48—49:

«....вотъ что говоритъ Пушкинъ о томъ, какъ на него дѣйствовала поэма Жуковскаго:

его доводовъ рѣшительно высказался П. В. Владимировъ, но въ данномъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ уважаемымъ ученымъ[1]). Если

И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сіи чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;
Душой Вадима призывали
И пробужденье зрѣли ихъ —
И часто инокинь святыхъ
На гробъ отцовскій провожали.

«Здѣсь не иронія: въ этихъ стихахъ слышится скорѣе любовь и уваженіе Пушкина къ Жуковскому и его поэмѣ. Не пародію написалъ Пушкинъ, а все его произведеніе есть, вѣрнѣе, передѣлка «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ», такъ сказать, реализація поэмы Жуковскаго, съ одной стороны — легкомысленная, съ другой — не лишенная поэзіи. Если сравнить содержаніе обѣихъ поэмъ, то окажется, что онѣ почти тождественны. И въ той и въ другой разсказывается о похищеніи кіевской княжны; и у Пушкина, и у Жуковскаго являются двѣнадцать прекрасныхъ дѣвъ. Только Вадимъ Жуковскаго раздѣлился у Пушкина на двѣ личности — на Руслана и Ратмира: Русланъ отправляется на поиски за кіевской княжной, а Ратмиръ увлекается двѣнадцатью дѣвами. Великанъ Жуковскаго, похитившій кіевскую княжну, тоже раздвоился у Пушкина: на карла — Черномора и его брата — Голову; Русланъ борется и съ тѣмъ и съ другимъ. Св. Угодникъ Жуковскаго превратился у Пушкина въ старика Финна, бѣсъ — въ Наину. Какъ Угодникъ и бѣсъ состязаются у Жуковскаго изъ-за Громобоя, такъ у Пушкина Финнъ и Наина спорятъ и враждуютъ изъ-за Руслана. Наконецъ, какъ Вадимъ привозитъ похищенную княжну въ Кіевъ, такъ и Русланъ привозитъ Людмилу».

1) См. *П. Владимировъ.* Происхожденіе «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина, стр. 7—8:

«Мы не отрицаемъ вліянія Богдановича, Аріоста, Еруслана (изъ котораго явился и «Русланъ» — герой Пушкина); но не можемъ согласиться съ рѣшительнымъ вліяніемъ Жуковскаго, по мнѣнію проф. Незеленова, и Гамильтона, по мнѣнію Поливанова. Вліяніе названныхъ нами «богатырскихъ поэмъ» Радищева на «Руслана и Людмилу» Пушкина исключаетъ необходимость «превращать» и «раздѣлять» сравниваемыхъ героевъ — изъ святого угодника выводить Финна, изъ бѣса — Наину. Такъ можно какое-угодно русское сочиненіе вывести изъ западноевропейской или русской же литературы....» ....«объясненіе происхожденія «Руслана и Людмилы» изъ поэмы Жуковскаго покоится на слѣдующемъ обращеніи Пушкина къ Жуковскому въ началѣ «Четвертой пѣсни»:

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,

могутъ быть опровергнуты доводы А. И. Незеленова, если нельзя согласиться съ его утвержденіемъ, что «Русланъ и Людмила» — „передѣлка «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ»", то все же въ «Русланѣ и Людмилѣ» могутъ быть указаны несомнѣнныя, по нашему мнѣнію, реминисценціи изъ поэмы Жуковскаго[1]). Если внимательно прочесть «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» и затѣмъ непосредственно перейти къ чтенію «Руслана и Людмилы», получается характерное впечатлѣніе, что словарный матеріалъ «Руслана и Людмилы» до извѣстной степени опредѣлился словарнымъ матеріаломъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» и что поэмой Жуковскаго навѣяны и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста въ «Русланѣ и Людмилѣ».

Приведемъ сначала рядъ мелкихъ данныхъ, которыя едва ли имѣютъ

Могилъ и рая вѣрный житель,
И Музы вѣтреной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

«И въ 4, и въ 5 пѣсняхъ, говоря о Жуковскомъ, о «Вадимѣ» и «Двѣнадцати спящихъ дѣвахъ», Пушкинъ вездѣ называетъ себя «поэтомъ печальной истины, правдивыхъ пѣсенъ», а Жуковскаго въ названныхъ его поэмахъ — пѣвцомъ «геройства, любви и дружбы старыхъ лѣтъ — незнаемыхъ въ мірѣ». Эти чудесныя видѣнья, эта прелестная ложь романтической Музы рано замѣнились у Пушкина естественнымъ взглядомъ на человѣка и его страсти. Отсюда Пушкинъ ищетъ вдохновенья въ «преданьяхъ старины глубокой» — по народнымъ произведеніямъ, въ «преданьяхъ русскаго семейства» — по историческимъ и бытовымъ даннымъ, наконецъ — въ своемъ тревожномъ и всеобъемлющемъ сердцѣ, чуткомъ къ біеніямъ жизни. Отсюда и та реальность, народность, правдивость и художественная красота Пушкинскихъ произведеній» ..... «Не признавая вліянія «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» Жуковскаго на поэму Пушкина, мы не можемъ признать и вліянія Гамильтона, мало извѣстнаго французскаго поэта XVII в., у котораго въ сказкахъ находимъ добродѣтельныхъ и злыхъ волшебниковъ и т. п. Гораздо проще и естественнѣе выводить происхожденіе «Руслана и Людмилы» изъ богатырской сказки Карамзина «Илья Муромецъ» и изъ разсмотрѣнныхъ богатырскихъ поэмъ Радищева».

1) Срв. замѣчаніе *А. И. Кирпичникова* въ рѣчи, читанной 29 января 1887 года: «Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ» (Очерки по исторіи новой русской литературы. С.-Пб. 1896, стр. 183): «Въ «Русланѣ», дѣйствительно, отразились и Лафонтенъ и Аріосто, и даже Вольтеръ; но въ немъ еще въ большей мѣрѣ отразилось и все то, что геній Пушкина нашелъ хорошаго въ *раннемъ нѣмецкомъ романтизмѣ*, который популяризировалъ у насъ Жуковскій; а именно: смѣлость образовъ и вольный полетъ фантазіи, широту поэтическаго міросозерцанія и полную свободу отъ стѣснительныхъ школьныхъ правилъ».

значеніе взятыя каждое отдѣльно, но которыя всѣ въ совокупности даютъ уже, какъ намъ кажется, нѣкоторое основаніе говорить, что въ памяти Пушкина, когда онъ писалъ «Руслана и Людмилу», нерѣдко оживали отдѣльныя выраженія изъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ».

У Пушкина въ «Русланѣ и Людмилѣ» находимъ, напримѣръ: дѣла *давно минувшихъ* дней, *преданья* старины глубокой, стр. 203 — у Жуковскаго въ «Двѣнадцати спящихъ дѣвахъ»: лишь, хранитель *давно-минувшаго*, живетъ на прахѣ ихъ *преданье*, стр. 188[1]); у Пушкина: *чаши съ кипящимъ* пивомъ и *виномъ*, 203 — у Жуковскаго: не пьетъ *кипящаго вина изъ чаши* круговыя, 143; у Пушкина: *тѣнь объемлетъ* всю природу, 205 — у Жуковскаго: воцаряющійся *день* полънеба лишь *объемлетъ*, 146; у П.: и *кто-то въ дымной глубинѣ* взвился чернѣе мглы туманной, 205 — у Ж.: *изъ темной* бора *глубины* выходитъ *привидѣнье*, 133; у П.: на зятя гнѣвомъ *распалясь*, 206 — у Ж.: *распалясь* душою звѣронравной, 171; у П.: мечемъ и грудью смѣлой *свой путь на полночь пробивай*, 209 — у Ж.: онъ все *на югъ*! онъ по полямъ *путь новый пробиваетъ*, 167; у П.: я здѣсь одинъ во мракѣ старой жизни *вяну*, 208 — у Ж.: и въ безутѣшной бы тоскѣ моя *увяла* младость, 172; и у П.: твой *оскорбитель* волшебникъ страшный Черноморъ, *красавицъ* давній *похититель*, 209 — у Ж.: скажи мнѣ, дѣвица, кто ты? кто буйный *оскорбитель* твоей дѣвичьей *красоты*, 171; не вполнѣ подходящій для Финна эпитетъ *благодатный* [въ стихѣ: откройся, кто ты, благодатный, 210], можетъ быть, подсказанъ стихомъ Жуковскаго: опять ты здѣсь, мой *благодатный* Геній, 131; у П.: *умчалась года* половина, 211 — у Ж.: ужъ время *съ годомъ* десять лѣтъ невидимо *умчало*, 147; у П.: ясны очи *дремотой* легкой не смыкалъ и тихаго *полета ночи* въ глубокой думѣ не слыхалъ, 216 — у Ж.: и будутъ *спать!* и къ нимъ *вѣка въ полетѣ* не коснутся, 156; у П.: *робкій* всадникъ вверхъ ногами свалился тяжко въ грязный ровъ, *земли не взвидѣлъ* съ небесами, 228 — у Ж.: невольно *вздрогнулъ* Громобой, *по членамъ хладъ* стремится! *земли не взвидѣлъ* подъ собой, 134 и т. п.

---

1) Ссылки сдѣланы на «Сочиненія В. А. Жуковскаго. Изданіе 7-е, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова, томъ I-й, С.-Пб. 1878», но всѣ цитаты провѣрены по изданію: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, старинная повѣсть, сочиненіе Василія Жуковскаго. С.-Пб. 1817».

Отмѣтимъ теперь въ поэмѣ Пушкина тѣ мѣста, на которыхъ вліяніе «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» сказалось болѣе опредѣленно:

Но что сказалъ Великій Князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ разпалясь,
Его и Дворъ онъ созываетъ:
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. — «Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги: —
О, сжальтесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моей?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей! —
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ пол-царствомъ прадѣдовъ моихъ.
Кто жъ вызовется, дѣти, други?..»

[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ II, стр. 206].

И видятъ: на высокомъ
Крыльцѣ великій Князь стоитъ;
Въ очахъ его кручина;
Передъ крыльцомъ народъ кипитъ,
И строится дружина.
И смѣлыхъ вызываетъ онъ
Въ погоню за Княжною,
И избавителю свой тронъ
Сулитъ съ ея рукою.

[Сочиненія В. А. Жуковскаго, томъ I, стр. 177—178].

«Разъѣдемся! *пора*!» сказали,
«Безвѣстной *ввѣримся судьбѣ*».
И каждый *конь*, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

[Тамъ же, стр. 208].

«*Что жъ мѣдлить? вѣрь — не выбирай!*
Впередъ! во имя Бога!
Куда и какъ привесть меня,
То вождь мой знаетъ болѣ!»
Такъ онъ подумалъ и *коня*
Пустилъ бѣжать по волѣ.

[Тамъ же, стр. 167].

Померкла степь. Тропою *темной*
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ сквозь ночной туманъ

Вдругъ боръ рѣдѣетъ *тёмной*;
Раздвинулся... и при лунѣ
Явился *холмъ огромной*.

Вдали чернѣетъ *холмъ огромной*...
. . . .
. . . .
Вдругъ холмъ, *безоблачной луною*
Въ туманъ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ...
[Тамъ же, стр. 236].

. . . .
. . . .
И свѣтитъ сумрачнымъ луна
Сквозь *облако* сіяньемъ.
Но *вдругъ... слетѣлъ съ луны туманъ*,
И боръ засеребрился,
И замокъ весь, *какъ великанъ*,
Надъ боромъ освѣтился.
[Тамъ же, стр. 181—182].

Тогда, отъ ярости *нѣмѣя*,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова! *какъ жаръ*,
Кровавы очи засверкали...
[Тамъ же, стр. 237].

Ни слова тотъ на грозну рѣчь!
Какъ бѣшеный отпрянулъ,
Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечь,
Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
И очи вспыхнули, какъ жаръ!
[Тамъ же, стр. 170].

И дни бѣгутъ; *желтѣютъ нивы;*
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ.
[Тамъ же, стр. 247].

И дни бѣгутъ — весна прошла,
И соловьи отпѣли,
И липа въ рощахъ зацвѣла,
И *нивы пожелтѣли*.
[Тамъ же, стр. 168].

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальной цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа.
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча,
Тотъ льется мертвою водою;
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,

И все, какъ мертвое, окрестъ:
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близь сихъ не пройдетъ мѣстъ,
Ни птица не промчится.
[Тамъ же, стр. 159].

И къ сторонѣ той, мнится,
И звѣрь опасный не бѣжитъ,
И змѣй приползть боится.
[Тамъ же, стр. 168].

Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтни сосны не шумятъ,
Не вьются птицы, лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтвій пить изъ тайныхъ водъ...
[Тамъ же, стр. 268—269].

И мнится жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало;
Какъ бы съ созданья въ мертвомъ снѣ
Древа, и не смущало
Ихъ сна ничто, ни вѣтерка
Передъ денницей шопотъ,
Ни легкій шорохъ мотылька,
Ни вепря тяжкой топотъ.
[Тамъ же, стр. 181].

Характерно отразилось вліяніе «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» еще въ одномъ мѣстѣ шестой пѣсни «Руслана и Людмилы». Фарлафъ—комическое лицо въ поэмѣ, Пушкинъ иронизируетъ надъ нимъ, но въ описаніи возвращенія Фарлафа въ Кіевъ съ Людмилой Пушкинъ не вполнѣ выдержалъ тонъ своего отношенія къ Фарлафу и, намъ кажется, именно потому, что безсознательно имѣлъ въ виду нѣкоторыя черты описанія поѣздки Вадима и его пріѣзда въ Кіевъ.

Межъ тѣмъ Наиной осѣненный
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Кіеву Фарлафъ:
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже Днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ *златоверхій градъ;*
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьи радостномъ народъ
Валитъ за всадникомъ, тѣснится,
Бѣгутъ обрадовать отца:
И вотъ измѣнникъ у крыльца.
Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ

Вадимъ все далѣ! *ужъ предъ нимъ*
Широкой *Днѣпръ* сіяетъ;
Онъ ѣдетъ берегомъ крутымъ,
И взоръ его летаетъ
Съ высотъ по злачнымъ берегамъ:
Здѣсь видитъ лугъ цвѣтущій,
Тамъ *златоверхій городъ*, тамъ
Близь водъ рыбачьи кущи.
[Сочиненія В. А. Жуковскаго, томъ I, стр. 168].

———

.... На коня Вадимъ,
Перекрестясь, садится;
Княжна по прежнему за нимъ;
И конь вдоль брега мчится.
Вдругъ путь широкій межъ древесъ!
Ихъ чаща раздалася,
И въ голубой дали небесъ,

Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ, *передъ крыльцомъ*
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли:
«Людмила здѣсь! Фарлафъ? ужели?»

[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ II, стр. 266].

Какъ звѣздочка, зажглася
Глава Печерская съ крестомъ;
Конь скачетъ быстрымъ скокомъ!
Ужь въ градѣ онъ! ужь предъ дворцомъ!
И видятъ: *на высокомъ*
Крыльцѣ великій Князь стоитъ;
Въ очахъ его кручина;
Передъ крыльцомъ народъ кипитъ,
И строится дружина.

. . . .

. . . .

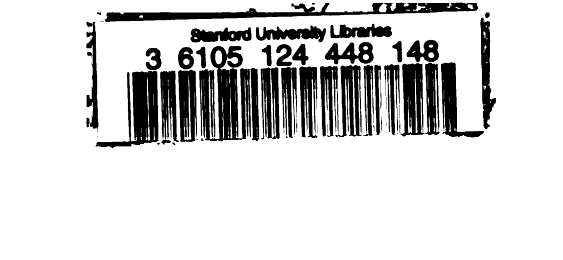
Но топотъ слышенъ въ тишинѣ;
Густая пыль клубится;
И видятъ, *съ дѣвой на конѣ*
Красивый всадникъ мчится.
Народъ отхлынулъ, какъ волна;
Дружина разступилась,
И на рукахъ отца Княжна
При кликахъ очутилась.

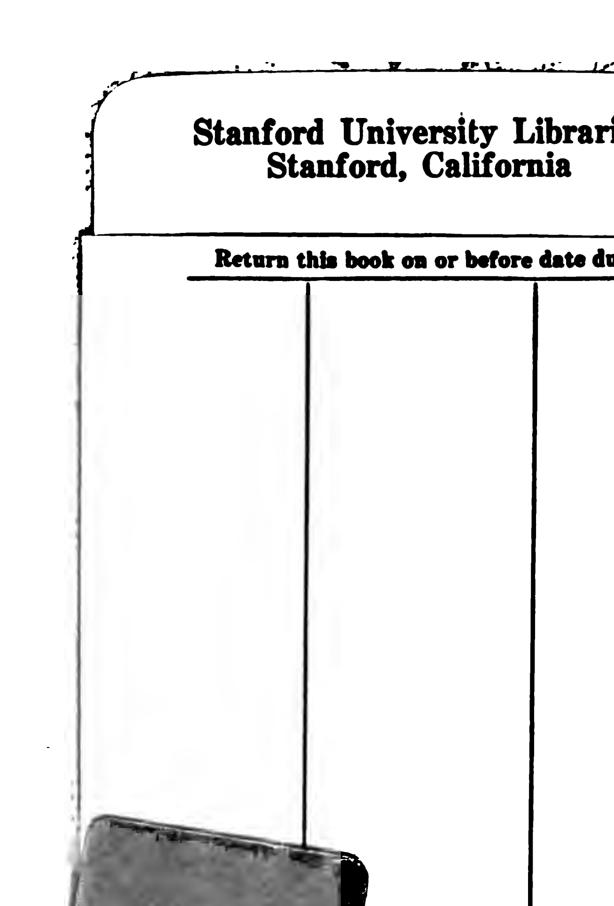
[Тамъ же, стр. 177—179].

Если сдѣланныя сопоставленія сколько-нибудь убѣдительны, можетъ быть, именно вліяніемъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» слѣдуетъ объяснять то, что въ «Русланѣ и Людмилѣ» Пушкинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развиваетъ сказочные мотивы въ тонѣ настолько серьезномъ, что, напримѣръ, несомнѣнно чувствуется связь между описаніемъ «долины чудной», гдѣ текутъ ключи живой и мертвой воды, и — «*Анчаромъ*»[1]).

---

1) На эту связь обратили вниманіе *Н. Ѳ. Сумцовъ* (А. С. Пушкинъ. Изслѣдованія. Харьковъ. 1900, стр. 187) и *Н. И. Черняевъ* (Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Харьковъ. 1900, стр. 624).

Stanford University Libraries
3 6105 124 448 148

Stanford University Librari
Stanford, California
Return this book on or before date du

